

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков – М.: Языки русской культуры – 1999 – 775 с.
2. Исса-Муна А. Оппозиция *subjonctif/indicatif* в придаточных определительных. Дис. ... канд. филол. наук.– Москва, 2001 – 271 с.
3. Снитко Т.Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах: Монография. – Пятигорск: Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 1999. – 156 с.
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1938. – Т. 4. – 1500 с.
5. Bally, Ch. L'expression des idées de sphère personnelle et de solidarité dans les langues indoeuropéennes. – Zeitschrift: L. Gauchat, 1926 – 250 p.
6. Boer de, C. Syntaxe du français modern. – Leiden, 1954. – 271 p.
7. Dauzat, A. Grammaire raisonnée de la langue française. – Lyon, 1948 – 211 p.
8. Foulet, L. Petite syntaxe de l'ancien français – Paris, 1937. – 253 p.
9. Nordhal, M. Les systèmes du *subjonctif correlative* // Revue romane. – Copenhagen, 1970. – Pp.102–105.

Е.А. Пигаркина

ПАРАДОКС КАК СРЕДСТВО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Человек в ходе своего физического роста и интеллектуально-эмоционального развития находится в процессе формирования личностной модели мира (далее – ММ), которая, будучи в целом созданной к определенному возрасту, оказывает императивное влияние на осознание действительности. «В самом общем виде модель мира определяется как сокращенное отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятых в их системном и операционном аспекте. Понятие «мир» понимается как человек и среда в их взаимодействии, или как результат переработки информации о среде и человеке. Переработка происходит как бы в два этапа: первичные данные, воспринятые органами чувств, подвергаются вторичной перекодировке с помощью знаковых систем. Следовательно, модель мира реализуется не как систематизация эмпирической информации, но как сочетание различных семиотических воплощений, ни одно из которых не является независимым: все они скоординированы между собой и образуют единую универсальную систему, которой и подчиняются» [7: 5].

Особенностью существования человека является то, что он живет как бы «в двух мирах: в физическом пространстве; как «субъект мысли» он живет и общается с объектами совсем другого рода: он воспринимает и приобретает их, носит в себе и передает их различными способами другим жителям этого мира, другим субъектам мысли» [9: 92]. Между миром реальных объектов и миром мыслей существует постоянная взаимосвязь. Мы обращаемся к действительности, чтобы закрепить и верифицировать существующие в человеческом сознании образные отпечатки внешних объектов, и, наоборот, мы оперируем понятиями, чтобы выявить причинно-следственные связи и порядок вещей в окружающем нас мире. В качестве связующего звена между элементами двух систем выступает язык как еще один «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [2: 13]. И здесь парадокс как языковое явление является средством соединения личностной модели мира и фактической действительности.

Говоря о парадоксе как о способе осмысления мира, который проявляет себя наиболее ярко в период жизни человека, характеризующийся уже накопленным опытом, кажется возможным взять в качестве поддержки этого утверждения размышления Т. В. Цивьян относительно того, как человек устанавливает свое место в мире на основе понятия *иное* после того как противопоставление *я/другой* осуществилось (речь идет о раннем этапе формирования модели мира). Этот процесс становится прозрачным благодаря структуре паремий, которая обнаруживает особый ход мысли (надо сказать, весьма сходный с таковым в парадоксе), «предлагающий идти не только окольным путем, но еще и забрести “не туда”, куда надо было бы прийти по обычной логике «здравого смысла» [7: 8]. Анекдот про *девятих людей* (десятеро не могут правильно сосчитаться между собой, т.е. изнутри, потому что каждый считающий пропускает при счете себя; исправляет ошибку и объясняет ее суть прохожий, т.е. человек извне) предстает в работе Айрапетяна «Девятые люди» как притча о человечестве: «Я – иной по отношению ко всем людям, другим для меня; чтобы учесть на всех (и меня) нужен иной, посторонний... Чтобы девятые люди стали десятерыми, нужен одиннадцатый». Чем не парадокс? Отказ от себя оказывается условием обретения себя.

Далее с потребностями, направленными на удовлетворение физиологических желаний, по мере развития и адаптации человека к природной среде в его сознании формируются потребности, связанные с интеллектуальным осмыслением действительности. И здесь, как и в процессе биологического существования, конечной целью развития ментальной активности является поиск равновесия, т.е. установление системных связей между предметами и явлениями окружающей человека действительности и его ММ. «Интеллект – форма равновесия» (Пиаже). Познание причинно-следственных связей природной среды не только позволяет объяснять происходящее вокруг человека, но и дает возможность прогнозировать возможное развитие событий, что, в конечном счете, обеспечивает безопасность существования человека. Предвидение неблагоприятных человеку событий активизирует поиск средств, необходимых для борьбы с ними для оказания на них влияния или предотвращения их, т.е. является фактором, в итоге предопределяющим власть человека над конкретной ситуацией в его жизненном пространстве.

Поиск причинно-следственных системных связей окружающей человека действительности имеет антропоцентрическую основу и производится исключительно на уровне сознания и под влиянием базового инстинкта, обеспечивающего выживание человека в природной среде, а, следовательно, и социальном окружении. «Фиксируемые организмом раздражения проецируются на целостный фон инстинктивного чувства самосохранения» [4: 44]. Для объяснения событий и явлений внешнего мира человеческое сознание привлекает целый набор символов, которые на каждом историческом срезе его развития являются для него доступными и соответствуют системе сложившихся в данном коллективе традиционных представлений. Интеллект – механизм индивидуального сознания, направленный на адаптацию человека в природной и социальной среде.

Здесь хочется привести слова Леви-Строса относительно мифотворчества, которому он придавал исключительное значение. Леви-Строс подчеркивал роль мифотворчества не только в поэтическом отражении действительности, но и в логическом обосновании мироздания на ранних этапах общественного развития: «Сущность мифа заключается не в стиле, не в манере изложения и не в синтаксисе, а в истории, которая в нем рассказывается» [3: 154]. Миф является тем ключом,

который открывает перед человеческим сознанием путь к разрешению постоянно возникающих противоречий. Такой функциональной нагрузкой обладает и парадокс, который позволяет перейти от простого наблюдения действительности к ее преобразованию с целью достичь равновесия с личностной ММ. Желание предугадывать и направлять развитие событий находит применение в создаваемых человеком «языковых играх». Отсутствие шаблона приводит к образованию многочисленных потенциальных направлений для развития сюжета того или иного произведения, которые отбираются и выстраиваются автором в соответствии с творческими задачами. Мы можем сказать, что парадокс является одним из интеллектуальных посредников, зачастую единственно возможным инструментом в процессе познания и преобразования окружающей человека действительности.

Говоря о парадоксе как способе или средстве преобразования действительности, нужно уточнить, о какой собственно действительности идет речь? В настоящее время принято говорить о существовании особого рода действительности – вымышленного мира художественного произведения. Процесс создания такого рода действительности заключается в том, что «автор художественного произведения делает вид, или “притворяется”, что рассказывает о реальном мире» [8: 116].

Художественное мышление, так же как и мышление логическое, направлено на преобразование окружающей действительности, и в этом отношении не может рассматриваться изолированно от познавательных процессов, осуществляемых сознанием. К художественному мышлению следует относить не только поэтическое мышление, результатом которого является создание литературных произведений, а любой процесс отображения окружающей действительности, включающий элементы субъективно-авторского видения мира, т.е. осуществляемый через призму индивидуального сознания. «Неудобство» художественного мышления заключается в его комплексности и непредсказуемости получаемых с его помощью результатов, но как раз эти качества: комплексность и непредсказуемость, так же как способность к логическому анализу, составляют основу человеческой психики.

Как отмечает О.И. Глазунова, вопрос о логическом и референциальном статусе содержания художественных произведений волнует и логиков, и лингвистов. «Исключая из объекта рассмотрения литературные произведения, логика автоматически исключает из рассмотрения вопросы, связанные с художественным мышлением, а, следовательно, и весь комплекс психологических ассоциативных связей, составляющих основу внутреннего мира человеческой личности. Существующие противоречия между художественным мышлением, в основе которого лежат эстетические законы развития мысли, и логическим мышлением, основу которого составляют законы познания истины, можно охарактеризовать как “борьбу против околдования нашего разума средствами нашего языка” [10: 47]. В то же время нельзя не отметить, что средства языка были созданы нашим разумом и, следовательно, не могут игнорироваться в пользу других, более перспективных направлений познания» [1: 134].

Мышление в логике направлено на отражение истинного положения дел в окружающем мире; мышление в психологии – на решение практических задач в процессе человеческой деятельности (на практическое преобразование действительности); мышление в языке – на теоретическое преобразование действительности в результате субъективного его осмысления [Ibid.].

В интеллектуальном плане восприятие действительности может быть условно разделено на мифологическое, апеллирующее к посредникам-символам, которые раскрывают причинно-следственную закономерность между явлениями, и поэтическое, опирающееся на ассоциативно-образную символическую связь между двумя объектами. С помощью мифологической интерпретации формируются представления о внешних структурных связях объективной реальности, ассоциативно-образные соответствия позволяют выявить внутренние категориальные значения, субъективно-семантический контекст, сопровождающий познание окружающей человека действительности [1: 151].

Если мы говорим о художественной действительности, необходимо указать на тот факт, что процесс и результат создания эмоциональной доминанты, которой может выступать парадокс, детерминируется культурно-обусловленной концептуальной системой человека, иными словами, моделью мира. Если рассматривать процесс осмысления и попытки преобразования действительности через парадокс поэтапно, то он может выглядеть как состоящий из трех этапов.

Первый этап: перед человеком стоит задача осмысления ситуации, которая не вписывается в его модель мира, обладает определенными отличиями. В ходе осмысления действительность обрабатывается сознанием, при этом в качестве катализатора, подогревающего работу мысли, выступает практическая заинтересованность – устранение диссонанса между реальностью и личностной моделью мира. Здесь сравнение представляет собой первичную форму познания, обязательный компонент любой мыслительной деятельности.

Второй этап: объект подвергается анализу – мысленному расчленению на составные части с целью выявления составляющих его элементов. С помощью анализа существенные стороны изучаемого объекта (объектов) отделяются от несущественных, случайных его сторон, которые в равной степени пребывают в поле нашего внимания в процессе восприятия. Практическая заинтересованность способствует тому, что отмечается разница не любых деталей, а только тех из них, которые имеют значение или на определенном этапе, или для конкретного индивидуума.

Третий этап: за анализом в процессе мышления следует синтез, который «восстанавливает расчлененное анализом целое, вскрывая более или менее существенные связи и отношения выделенных анализом элементов» [5: 354]. Синтез является вершиной чувственного познания, той его стадией, когда оценочные компоненты носят не инстинктивно-стихийный характер, а обуславливаются наглядно-познавательной деятельностью человека.

Важную роль в процессе осмысления и преобразования действительности играют ассоциативно-образные свойства воображения. Именно эти качества позволили И.М. Сеченову охарактеризовать воображение как «небывалое сочетание бывалых впечатлений», хотя, надо отметить, что даже на уровне механического воспроизведения отдельных деталей в основе воображения лежат созидательные процессы, так как любое ранее не встречающееся сочетание несет в себе отпечаток творческой активности субъекта. Репродуктивное воображение предназначено для воспроизведения предметов или для мысленного их восстановления с помощью заимствования у других предметов отсутствующих деталей, как это часто бывает в парадоксе.

Всякий творческий процесс основан на предшествующем опыте и включает его в виде отдельных составляющих элементов. При проектировании зданий или

при создании музыкальных произведений в составе самобытной мелодии или авторского проекта встречаются отдельные музыкальные темы или архитектурные элементы ранее существующих произведений. От этого вновь созданный проект или музыкальное произведение не теряют оригинальности; наоборот, заимствованные элементы позволяют лучше раскрыть самобытность авторского замысла, служат тем мостиком, который дает возможность увидеть новое произведение в контексте выработанного поколениями предшествующего опыта. Любое продуктивное воображение ведет свое существование от воображения репродуктивного, так как, согласно И.М. Сеченову, «мыслить можно только знакомыми предметами и знакомыми свойствами и отношениями» [6: 399].

Продуктивное воображение, лежащее в основе самобытных созидательных процессов человеческого сознания, позволяет ломать привычные стереотипы восприятия, изобретать новые значения и знаковые системы, создавать художественные произведения поразительной глубины и силы. Парадоксальное воображение помогает его обладателю восстанавливать связь между заданными характеристиками предмета или явления и продуктом их реализации в условиях, отличающихся от ожидаемых в его модели мира. Воображение – именно то свойство человеческого сознания, которое позволяет при наличии общего замысла создавать совершенно разные произведения и с точки зрения композиции, и с точки зрения мировоззрения, и с точки зрения художественной значимости. Используя сравнительно небольшой по объему словарный запас, ограниченное количество красок или нотных знаков, писатель, художник или композитор создают бесконечные смысловые значения, основанные на тончайших нюансах человеческой мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2000. – 190 с.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
3. Леви-Строс К. Структура мифов // Вопросы философии, 1970. – № 7. – С. 154 – 164.
4. Панов В.Г. Эмоции. Мифы. Разум. – М.: Высшая школа, 1992. – 252 с.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М.: Госучпедгиз РСФСР, 1946. – 704 с.
6. Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. – М.: ОГИЗ, 1947. – 648 с.
7. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 280 с.
8. Шмелев А.Д. Суждения о вымышленном мире: референция, вымышленность, прагматика // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – М.: Наука, 1995. – С. 115–122.
9. Vendler Z. Say what you think // Studies in thought and language. – Arizona: The University of Arizona Press, 1970. – P. 79–98.
10. Wittgenstein L. Philosophical Grammar. – Univ. of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1961. – 143 p.